

Aleksander Kiklewicz
Olsztyn

Синтаксические процессы в структуре сложного предложения (II)¹

Синтаксическая контаминация

Контаминация в синтаксисе означает объединение, скрещивание двух синтаксических единиц – сочетаний слов или предложений. Один из классических примеров контаминации в русском языке – это бытующее в разговорной речи сочетание *играет (большое) значение*, которое возникло в результате объединения сочетаний *играет (большую) роль* и *имеет (большое) значение*. Б. Норман отмечает, что несмотря на ненормативный характер большинства конструкций, возникших в результате контаминации, данное явление довольно часто встречается в речевой практике, так как «опирается на определенные психологические и лингвистические предпосылки»², другими словами – находясь в противоречии с языковой нормой, вполне соответствует правилам языковой системы.

Контаминация имеет под собой достаточно солидные основания: столкновение «близких в системе» структурных схем и взаимная подгонка лексических и грамматических единиц, участвующих в процессе речепорождения. И получается, что явление, которое под определенным углом зрения может быть квалифицировано как «ошибка», отклонение от синтаксической модели, при динамическом, речедейательностном подходе само становится моделируемым – как один из регулярных способов реализации структурной схемы³.

---

¹ Первая часть статьи опубликована в предыдущем номере журнала.

² Б. Ю. Норман, *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург 1994, с. 187.

³ *Ibidem*, с. 188. Неслучайно контаминация используется как средство языковой игры, см.: В. З. Санников, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва 1999, с. 106.

Структурным основанием контаминации является то, что две синтаксические конструкции обладают некоторыми тождественными элементами: лексическими или грамматическими значениями, типами синтаксических отношений. Рассмотрим один из примеров:

- (33) У него была другая семья, но в бараке он время от времени появлялся – с подарками, улыбочками, ласковыми речами и фантастическими рассказами, которые если мы поначалу слушали с разинутыми ртами, то что с ребенка взять! (Р. Киреев).

В этом случае необходимо обратить внимание на соседство двух подчинительных союзов – *которые* и *если*. В принципе, само это соседство не является ничем сверхъестественным – ср. предложения, в которых каждый из подчинительных союзов входит в состав своего придаточного:

- (34) В России есть ряд регионов, которые, если следовать духу и букве расчетов, не создают стоимость, а вообще уничтожают ее (М. Яндиев).
(35) Практически все сорта наперстянки прекрасно завязывают полноценные семена, которые, если их специально не собирать, осыпаются порой в огромных количествах.
(36) Сущее диктует законы необходимости, которые, если они противоречат высшему должному, – «неправедны» (Н. Захаров).

Но в предложении (33) мы имеем дело с особым случаем, когда два стоящих рядом подчинительных союза относятся одновременно к одному придаточному. Это становится возможным именно благодаря контаминации, т.е. слиянию в одно двух предложений:

- (37) а. Он время от времени появлялся в бараке – с фантастическими рассказами, которые мы поначалу слушали с разинутыми ртами.
б. Если мы поначалу слушали его рассказы с разинутыми ртами, то что с ребенка взять.

В русском языке имеется особый тип контаминативных предложений, которые возникают в результате скрещивания двух типов конструкций: сложных предложений с придаточным изъяснительным и предложений с парентезой. Проанализируем несколько примеров.

- (38) Ведь мне о вас, а вам и обо мне // Они не знают сами, что толкуют (Л. Мартынов).

Формально мы имеем здесь дело со сложноподчиненным предложением изъяснительного типа – на это указывает подчинительный союз *что* во второй части. Но что же мы имеем в первой части? Если проанализировать ее содержание и структуру, то перед нами предстанет конгломерат синтаксем, относящихся к разным синтаксическим моделям. Действительно, синтаксемы *мне, о вас, вам, обо мне* не зависят от глагольного предиката *знают* – скорее, будучи в составе главного предложения, они зависят от глагольного предиката придаточного предложения *толкуют*:

(39) Они толкуют мне о вас, вам обо мне.

Здесь налицо смешение двух форм выражения одного и того же смысла:

(40) Они сами не знают (того), что они толкуют мне о вас и вам обо мне.

(41) Они толкуют (сами не знают – что) мне о вас и вам обо мне.

Говорящий как бы колеблется, какую из двух синтаксических форм выбрать, и реализует обе одновременно, в результате чего возникает интегрированная, синкретичная конструкция, в которой обе протоформы представлены в искаженном виде.

Рассмотрим следующий пример:

(42) А за оставшиеся 450 тысяч рублей наши руководители считают, что можно прокормиться («Народная воля». 29 I 1997).

С точки зрения синтаксической нормы это предложение, как и предыдущее, неправильно: формально первая часть сложного предложения имеет статус главного компонента, но именная группа *за оставшиеся 450 тысяч рублей* ни формально-грамматически, ни семантически не имплицирована глагольным предикатом *считают* – между этими членами нет синтаксической связи⁴.

⁴ Именно отсутствие синтаксической связи с предикатом (формально) главного предложения не позволяет отнести данных конструкций к типу предложений с расщеплением. В случае расщепления из структуры пропозиционального аргумента выделяется элемент (предметный аргумент), который вводится в ядерную синтаксическую структуру, т.е. базирующуюся на глагольном предикате второго порядка, ср. некоторые примеры: *Нас беспокоит в нем то, что он слишком замкнутый*; *Нам нравилось в нем то, что он пел все русские песни*; *В нем нас тревожило то, что он выходил из дому слишком рано*. Синтаксемы *нас, нам, в нем* (а именно – их грамматические формы) непосредственно обусловлены семантикой глагольного сказуемого, т.е. можно говорить о синтаксической аккомодации: *беспокоит* → *нас*, *нравилось* → *нам*, *тревожило* → *в нем*. Однако в случае контаминатов рассматриваемого типа нельзя говорить о расщеплении пропозиционального аргумента, так как – еще раз подчеркну это – между сказуемым главного предложения и именными группами, введенными из придаточного предложения, нет

Зато она есть между именной группой *за оставшиеся 450 тысяч рублей* и предикатом придаточного предложения:

- (43) Можно прокормиться за оставшиеся 450 тысяч рублей.

Можно предположить, что говорящий (в данном случае – пишущий газетный текст журналист) начинает предложение по парентетической модели, т.е. прогнозирует его в следующей форме:

- (44) А за оставшиеся 450 тысяч рублей, как считают наши руководители, можно прокормиться.

Но в какой-то момент говорящий вспоминает (начинает осознавать), что предикат *считать* является здесь наиважнейшим, определяющим структуру всего сложного предложения – и тогда речедеятельностная программа «подбрасывает» ему альтернативный вариант выражения того же смысла:

- (45) Наши руководители считают, что за оставшиеся 450 тысяч рублей можно прокормиться.

В результате происходит скрещивание этих альтернативных конструкций. Системное нарушение заключается здесь в том, что выражение *наши руководители считают* в предложении (37) имеет одновременно статус главного и зависимого: как вводное предложение оно зависит от основного, но как находящееся в препозиции к подчинительному союзу, имплицитное придаточное изъяснительное оно имеет статус главного компонента.

К тому же типу можно отнести и приведенные ниже предложения:

- (46) Я влюблен, мне все завидуют, у меня вся жизнь впереди, но у меня миллион проблем, за которые я толком не знаю, как взяться («Литературная газета». 15 X 1986).
- (47) Он спрашивал, как ему быть: жениться или «сохранить самостоятельность» при условии, что отношения с девушкой сами понимаете, какие («Литературная газета». 17 X 1984).

В первом из приведенных предложений можно усматривать контаминацию двух конструкций:

синтаксической аккомодации. О явлении расщепления в синтаксисе подробнее см.: S. Karolak, *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*, Warszawa 2002, с. 105.

- (48) Я толком не знаю, как взяться за решение моих проблем.
 (49) Мне надо взяться (я толком не знаю – как) за решение моих проблем.

Согласно тому же принципу (вспомним о моделируемости процессов контаминации, о которой пишет Норман – см. выше) образуется предложение (42):

- (50) Сами понимаете, какие у меня отношения с девушкой.
 (51) Отношения с девушкой у меня – сами понимаете – плохие.

Контаминация наблюдается и в следующем предложении из разговорной речи:

- (52) Письма вскрываются, проверяются и не знаю, всегда ли отправляются дальше.

Если бы мы имели предложение в такой форме:

- (53) Письма вскрываются, проверяются, и я не знаю, всегда ли письма отправляются дальше,

тогда сомнений в правильности синтаксической конструкции не возникало бы. Но в том аутентичном виде, в каком предложение зафиксировано в речи, оно характеризуется очевидным синкретизмом: существительное *письма* находится в координативной связи с глаголами *вскрываются, проверяются*, но лишено связи с глаголом *знаю*:

- (54) *Письма я не знаю, всегда ли отправляются дальше.

Контаминат (47) образован в соответствии с моделью, которая реализуется во многих других случаях. Первую позицию в предложении занимает обычно подлежащее с семантической функцией аргумента зависимой пропозиции: *письма* (*Кто-то отправляет письма*). Вторую позицию занимает вводное предложение вместе с присоединенным подчинительным союзом: *не знаю... ли*. Наконец, третью позицию занимает фраза, реализующая пропозициональный аргумент, а с коммуникативной точки зрения – основное, ведущее сообщение: *отправляются дальше*. Процесс синтаксической деривации можно представить так:

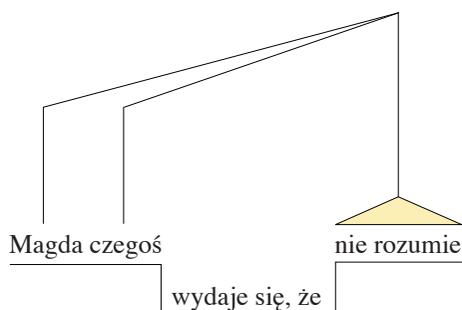
- (55) Я не знаю, всегда ли письма отправляются дальше.
 Письма, как я знаю, не всегда отправляются дальше.
 > Письма я не знаю, всегда ли отправляются дальше

Как видим, первая часть контамината (синтаксема *письма*) берется из структуры предложения с парентезой, а вторая часть (*я не знаю, всегда ли отправляются дальше*) – из структуры сложноподчиненного изъяснительного.

Синтаксические конструкции того типа, когда вводное предложение «захватывает» с собой подчинительный союз и возникает двойственная (и даже двунаправленная) синтаксическая связь, как показывает собранный мной в течение тридцати лет фактический материал, еще более распространены в польском языке – ср. некоторые примеры:

- (56) Dziękuję za zaproszenie do Siedlec, które tak się stało, że kocham (prywatna korespondencja).
- (57) Jak chciałaby Pani, aby został zapamiętany? („Wprost”. 2000/46).
- (58) A co by pan chciał, żeby wisiało? (mowa potoczna).
- (59) To takie misz-masz mitologicznych symboli i ikon współczesnej Ameryki (do tego, nie wiedzieć po co, legion Polaków, od których sam nie wie, czego charakterystyce) („Angora”. 2003/4).
- (60) Notatki mam w kieszeni surduta, a surdut nie wiem gdzie jest (M. Słyk).
- (61) Zaciekawia się milicjant, którego może pozwolicie, że będę nazywał w skrócie Milem (M. Słyk).
- (62) Obertino kiwa mimowolnie głową, ale czegoś wydaje się, że nie rozumie (M. Słyk).
- (63) Znaczenie mojej zupy wydaje się, że jest uniwersalne (M. Słyk).
- (64) Jestem tu od nie wiem jak dawna (T. Breza).
- (65) Ta dziewczyna nudzi się tak przeraźliwie, jak nie wiedziałem, żeby się ktokolwiek nudził (S. Dygat).
- (66) Ja rewanżuję im się znów reprezentacją łataną z najróżniejszych skrawków polskości, trochę takiej, jaka jest, trochę takiej, jaka chciałbym, żeby była (S. Dygat).
- (67) Jest taki, jaki chciałam, żeby był (B. Rutha).
- (68) Sklepy, kioski, ale siusianie nie wiem gdzie (M. Białoszewski).
- (69) A. K. Wróblewskiego, mnie nie pamiętam w tej chwili kogo jeszcze wysłał Rakowski [...] („Polityka”. 4 V 1991).
- (70) Co chcesz synu, żeby ci подарował na urodziny? (разговорная речь).
- (71) Wirtualny – potocznie używa się tego wyrazu w stosunku do czegoś, co zakładamy, że istnieje, choć w gruncie rzeczy to nie istnieje w sensie materialnym.
- (72) Język nas ogranicza: czasami trudno jest nam za pomocą znaków językowych wyrazić myśli, przekazać innym to, co chcielibyśmy, aby o nas wiedzieli.

Скрещивание двух альтернативных форм выражения одного и того смысла – этого только объяснение процесса порождения контаминатов рассматриваемого типа. Что касается их синтаксической структуры, то она имеет полипредикативный характер, однако вряд ли здесь реализуется подчинительная связь. Несмотря на формальное присутствие подчинительного союза, мы имеем дело с парентетической конструкцией: инициальная синтаксема (синтаксемы) семантически и грамматически связана с предикатом второй части (формально придаточного предложения), которую следует признать носителем основного содержания. Вводное предложение (в соответствии с действующим в языке правилом) располагается в средней части конструкции, при этом в его состав входит подчинительный союз (который указывает на направление синтаксической связи – от парентетического предиката к предикату основного предложения).

Как видим, в структуре подобных контаминатов наблюдается довольно редкое языковое явление, когда главное предложение (*Wydaje się*) образует одно функциональное целое вместе с подчинительным союзом (*że*) как элементом придаточного предложения. Это явление можно квалифицировать как синтаксическое перераспределение, т.е. (подобно перераспределению в морфемной структуре слова⁵) перераспределение синтаксических элементов между частями сложного предложения, сдвиг границы между ними⁶. Это явление более подробно будет рассмотрено в следующем разделе.

⁵ См.: Ю. С. Маслов, *Введение в языкознание*, Москва 1987, с. 212.

⁶ Некоторыми исследователями перераспределение в синтаксисе понимается как замена синтаксического способа выражения лексическим, например: *иметь жительство* – *жить*, *иметь сношения* – *относиться*, *делать истребления* – *истреблять*, *делать пальбу* – *палить*, *делать применение* – *применять*, *положить взыскание* – *взыскать*. См.: А. А. Козлова, *Устойчивые глагольно-именные сочетания прозы А. С. Пушкина как этап формирования устойчивых сочетаний русского литературного языка*, Воронеж 2005. И. М. Балова усматривает перераспределение в конструкциях с вариантными синтаксическими связями, когда одно и то же слово может быть подчинено различным компонентам высказывания. В ее понимании перераспределение – это такой вид синтаксической связи, при котором какое-либо слово некоторой речевой цепи формально может быть подчинено нескольким словам, но при этом ни тот ни другой синтак-

Синтаксическое переразложение

О процессе синтаксического переразложения имеются лишь спорадические упоминания в лингвистических работах⁷. Так, в «Русской грамматике» мы находим небольшой фрагмент (а именно – § 1992), в котором сообщается об образовании сложных словосочетаний «на основе переразложения связей в предложении»⁸. Речь идет о словосочетаниях следующего типа:

- (73) полон уезд господ
- (74) полный двор птицы
- (75) полный дом народу
- (76) полна приемная посетителей
- (77) полный рот шоколада

По мнению авторов «Русской грамматике», такие сочетания

образованы по образцу сложного словосочетания *полная бутылка вина, полное лукошко грибов*. Однако, если эти последние грамматически разложимы на простое словосочетание и его определитель (*полное – лукошко грибов, полная – бутылка вина*), то сочетания типа *полный двор народу* на уровне подчинительных связей неразложимы, так как сочетаемость **двор птицы, *дом народу, *приемная посетителей* отсутствует; разложение же *полный двор – народу, полная квартира – гостей правильно*, но оно опирается на связи слов в предложении: *Полон двор птицы; Народу – полный дом; [У тебя] полон рот шоколада*⁹.

Переразложение может, однако, затрагивать и структуру сложноподчиненного предложения. В подтверждение этого рассмотрим несколько примеров.

сический вариант структуры предложения не меняет его смыслового содержания. См.: И. М. Балова, *Современный русский язык*, [в:] http://balova.my1.ru/publ/sovremen_nyj_russkij_jazyk/kratkij_kon_spekt_lek_cij/4-1-0-8.

⁷ Я не принимаю во внимание перераспределение синтаксических связей в результате стяжения (или компрессии) предложения, о чем пишет Б. Ю. Норман, см.: *Грамматика говорящего...*, с. 185. Дело в том, что в результате стяжения происходит не столько переразложение синтаксических связей, сколько повышение одной из синтаксем в ранге, занятие позиции ближе к глагольному сказуемому. Например, в предложении *Да что вы ко мне все с Россией пристаёте!* (Вс. Иванов) синтаксема *с Россией* синтаксически зависима от сказуемого *пристаёте*, хотя в исходной форме этого предложения та же синтаксема занимает присубстантивную позицию, ср.: *Что вы ко мне пристаёте с разговорами о России*.

⁸ Н. Ю. Шведова (ред.), *Русская грамматика...*, с. 139.

⁹ *Ibidem*.

- (78) Но если этот тип повадится ходить ко мне в гости или вообще полезет ко мне с вопросами, я просто не знаю, что с ним сделаю («Литературная газета». 21 X 1987).

С формально-грамматической точки зрения условное придаточное предложение *если этот тип повадится...* зависит от главного *Я просто не знаю*. Но языковая интуиция подсказывает нам, что смысловые зависимости в этом предложении иные: условное предложение, скорее, относится к последней части, а именно – указывает на предпосылку того, что говорящий субъект что-то (по-видимому, плохое) сделает (*с этим типом*). Аутентичный смысл, который намеревался передать говорящий, более точно выражается в иной форме сложного предложения, с иным порядком синтаксических зависимостей:

- (79) Если этот тип повадится ходить ко мне в гости, я сделаю (с ним, по отношению к нему) что-то очень плохое (хоть я еще не знаю – что).

Преобразование исходной синтаксической конструкции состоит в том, что придаточное условное отрывается от своего (семантически) главного и присоединяется к части сложного предложения, имеющей в исходном замысле предложения статус парентезы. Этот процесс, в свою очередь, возможен потому, что, как было показано в первой части статьи, многие вводные предложения имеют амбивалентный статус: с одной стороны, они добавляются к ведущему предложению и коммуникативно зависят от него, дополняют его, с другой стороны, содержат семантически главную информацию, которая распространяется, восполняется содержанием ведущего предложения (неслу чайно возможна трансформация ведущего предложения в изъяснительное придаточное: *Он, мне кажется, застенчив* → *Мне кажется, что он застенчив*).

Рассмотрим польское предложение из публицистического текста:

- (80) Do urzędującego ministra docierają tylko te dokumenty, które wojsko chce, żeby dotarły („Tygodnik Powszechny”. 11 IX 2011).

Здесь мы имеем дело со сложным предложением, в котором можно выделить три части:

- (81) a. Do urzędującego ministra docierają dokumenty...
 (82) b. Wojsko chce...
 (83) c. [Dokumenty] dotarły...

Формально первое предложение является главным, второе зависимым от первого, а третье – зависимым от второго. Но с семантической точки зрения

порядок частей иной, на что указывает структура предложения (b): фактически ведь речь идет не о том, что *Wojsko chce dokumenty* ('армия хочет документы'), а о том, что *Wojsko chce, żeby do ministra docierały tylko niektóre, wybrane dokumenty* ('армия хочет, чтобы министр получал только некоторые, отобранные документы'). Более правильная синтаксическая форма имела бы вид:

- (84) Do urzędującego ministra docierają tylko te dokumenty, na których dotarciu zależy wojsku.

Значит, исходная синтаксическая структура отличается от поверхностной – той, которая нашла отражение в формальных синтаксических средствах. Эту исходную структуру можно представить так:

- (85) Ponieważ wojsko chce, żeby do ministra docierały tylko wybrane dokumenty, do urzędującego ministra docierają tylko takie (nie wszystkie) dokumenty.

В этом случае причинная связь между одним положением дел (позицией армии) и другим положением дел (функционированием министра) получает формальное выражение. Процесс синтаксической деривации состоит в том, что придаточное причинное (т.е. расчлененного типа) с союзом *ponieważ* 'поскольку' преобразуется в придаточное определительное (т.е. нерасчлененного типа) с союзом *które* 'которое'.

В русском и польском языке выступает особый тип синтаксического переразложения, касающийся употребления в составе главного предложения соотносительного (опорного) местоимения. В «Русской грамматике» «позиционное разобщение» соотносительного слова *потому* и союза *что* рассматривается как операция преобразования составного союза *потому что*¹⁰, а ведь в действительности все наоборот: составной союз возник в результате синтаксического переразложения, а именно – перемещения соотносительного слова (члена предложения в составе главной части) в состав придаточного¹¹. В основе этого процесса лежит коммуникативный фактор – д е з а к т у а л и з а ц и я, т.е. уменьшение значимости информации, закодированной в соотносительном слове. Порядок синтаксической деривации, следовательно, таков:

¹⁰ *Ibidem*, с. 579.

¹¹ Об образовании составных союзов в результате переразложения сложного предложения во французском языке пишет В. Жвиринска, см. ее работу: Некоторые вопросы образования подчинительного составного союза, его функции в сложноподчиненном предложении и преподавание французского языка на нефилологических факультетах, [в:] А. Gudavius (red.), *Svetimosios kalbos: teorija ir praktika*, Vilnius 1997, с. 30.

- (86) Мне стало обидно потому, что мне нечем было крыть.
 > Мне стало обидно, потому что мне нечем было крыть.

Синтаксическое переразложение может сопровождаться семантической деривацией, т.е. появлением у составного союза нового значения. Это явление мы наблюдаем на примере двух предложений:

- (87) Вам объяснят так, что вам понравится.
 (88) Вам объяснят, так что вам понравится.

Если в первом, синтаксически исходном варианте союз *что* связывает с главным предложением придаточное образа действия (с оттенком значения степени), то во втором составной союз *так что* относится к придаточному следствию.

Кроме коммуникативного и семантического факторов синтаксического переразложения, в результате которого возникают составные союзы, есть еще конструктивный фактор, т.е. специфический характер сочетаемости слов на поверхностном уровне. Как вытекает из моих наблюдений, в польском языке меньше такого рода конструктивных ограничений, а значит – больше свобода образования составных союзов. Например, в русском языке не представляется возможным преобразование местоимения *затем* и подчинительного союза *чтобы* в один составной союз *затем чтобы, ср.:

- (89) Он приехал затем, чтобы повидать своих друзей.
 (90) *Он приехал, затем чтобы повидать своих друзей

В польском языке, в отличие от русского, таких ограничений нет, поэтому в сложноподчиненных предложениях с придаточным цели употребляется и комплекс *po to... żeby / by*, и составной союз *po to żeby / by*¹², например:

- (91) Szczerze wyraża swoje zamiary i uczucia, po to by słuchający dał wiarę temu, co po prostu powiedziane (z pracy dyplomowej).

Ср. другие примеры, которые подтверждают существование между польским и русским языками заметного различия в области функционирования составных союзов¹³:

¹² Специалисты отмечают, что симметричные конструкции (так они квалифицируются в польской лингвистике) типа *po to... by* употребляются чаще, чем составные союзы типа *po to by*. См.: Е. і F. Przybylscy, *Gdzie postawić przecinek?* Warszawa 1988, с. 68.

¹³ Источником польского языкового материала послужил словарь-справочник: Е. і F. Przybylscy, *Gdzie postawić przecinek?* Warszawa 1988.

- (92) Zanieś tę książkę, t a m skąd ją przyniosłeś.
Отнеси книгу туда, откуда ты ее принес.
*Отнеси книгу, туда откуда ты ее принес.
- (93) Trzeba zadzwonić niezwłocznie, t e r a z g d y oni są w domu.
Надо срочно позвонить с е й ч а с, к о г д а они дома.
*Надо срочно позвонить, с е й ч а с к о г д а они дома.
- (94) Pobiegli w koniec ogrodu, t a m skąd dochodził krzyk.
Они побежали в конец огорода – туда, откуда доносился крик.
*Они побежали в конец огорода, туда откуда доносился крик.
- (95) Wszedł na salę, w c h w i l i g d y czytano protokół z poprzedniego spotkania.
Он вошел в зал в т о т м о м е н т, к о г д а читали протокол предыдущего заседания.
*Он вошел в зал, в т о т м о м е н т к о г д а читали протокол предыдущего заседания.
- (96) Nowogród leży nad Narwią, w m i e j s c u g d z i e do Narwi wpada Pissa.
Новгород лежит на берегу Нарвы, в (том) месте, где в Нарву впадает Писса.
*Новгород лежит на берегу Нарвы, в (том) месте где в Нарву впадает Писса.
- (97) Szarpnął wędziskiem raptownie, w m o m e n c i e g d y s p ł a w i k ledwie drgnął.
Он резко потянул удилице в т о т м о м е н т, к о г д а поплавок слегка дернулся.
*Он резко потянул удилице, в т о т м о м е н т к о г д а поплавок слегка дернулся.

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что в польском языке более распространено явление, когда граница между главным и зависимым предложением передвигается на один элемент влево, т.е. главное предложение теряет синтаксему (обычно в позиции обстоятельства), которая включается в состав союза. Русский синтаксис, по сравнению с польским, имеет более строгий, дискретный характер, поэтому именные группы, включающие указательное местоимение, больше тяготеют к позиции приглагольного компонента (члена предложения) со значением места, времени, направления и т.д. В польском языке эти единицы свободнее образуют синтаксические комплексы вместе с подчинительными союзами.

Синтаксическое опрощение

И. Мещанинов писал о вводных конструкциях: «Такие вставляемые в текст или сопровождающие его дополнительные выражения являются хотя и обособленным, но все же членом того же предложения»¹⁴. Эта принадлежность к структуре основного предложения особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда в результате синтаксической деривации вводная конструкция приобретает статус члена предложения. В морфологии существует понятие опрощения, которое означает «слияние в одну морфему двух или нескольких морфем, входящих в состав слова»¹⁵. Подобное явление наблюдается и в синтаксисе: синтаксическое опрощение состоит в том, что простые предложения в составе сложного сливаются в одно простое¹⁶.

В качестве примера могут послужить цельные словосочетания *редко кто, редко когда, редко где*. Проанализируем предложение:

(98) Он редко когда был чем-то недоволен.

С точки зрения системы языка базовый, исходный статус имеет форма сложноподчиненного предложения, что обусловлено семантикой предиката высшего порядка *редко/редкий*, который, выражая характеристику ситуации, события, положения дел с точки зрения повторяемости, имплицитно пропозициональную структуру $P(p)$, т.е. 'Некоторое событие является редким / происходит, бывает редко':

(99) Это было/случалось редко, когда он был чем-то недоволен.

(100) Редко случалось так, чтобы он был чем-то недоволен.

(101) Редкими были случаи, когда он был чем-то недоволен.

Как мы уже наблюдали на примере конструкций синтаксической конверсии, здесь происходит замена ролей в иерархии «главный член – зависимый член», и на втором этапе деривации главная пропозиция (с предикатом *редко/редкий*) оказывается в позиции парентетического члена, (с коммуникативной точки зрения) дополняя информацию, выраженную пропозициональным аргументом:

(102) Он иногда – хотя это было редко – был чем-то недоволен.

¹⁴ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, Москва 1945, с. 186.

¹⁵ Ю. С. Маслов, *Введение в языкознание...*, с. 212.

¹⁶ В основе данного явления лежит общий принцип сокращения размера языковых знаков, связанный с ростом информации и ограниченной пропускной способностью канала коммуникации. Более подробно см.: М. А. Шелякин, *Язык и человек*, Тарту 2002, с. 106 ссл.

Третий шаг синтаксической деривации состоит в том, что в результате контаминации появляется синкретическая конструкция (98), объединяющая в себе элементы сложноподчиненного предложения и парантезы. В данном случае контаминация имеет специфический характер – прежде всего потому, что *редко*, единственный представитель (семантически) главного предложения в структуре контамината, не является глагольным предикатом, что способствует формированию монопредикативного предложения на базе полипредикативного. Другими словами, образуется цельное сочетание *редко когда*, которое выступает как один член предложения, хотя в своей деривационной истории оба компонента восходят к разным предикативным единицам.

Синтаксическое опрощение выступает и в следующем предложении:

- (103) На центральной улице города Заборска уже несколько лет, как введено и успешно действует левостороннее движение («Литературная газета». 20 VII 1983).

Никакими логическими соображениями нельзя объяснить присутствия здесь подчинительного союза *как*, ведь он без труда может быть устранен. Словосочетание *несколько лет, как* функционирует в качестве одного члена предложения. При этом очевидно, что в основе данного сочетания лежит сложноподчиненное предложение:

- (104) Прошло несколько лет с того времени, как на центральной улице города Заборска было введено левостороннее движение.

Формированию подобных цельных сочетаний слов способствует их высокая употребительность в речи, в результате которой многие из них получают статус языковых клише¹⁷:

- (105) А сам он неизвестно где (Б. Пастернак).
 (106) Из тебя еще неизвестно что будет (А. Платонов).
 (107) Он получает не знаю сколько (А. Житинский).
 (108) Парк культуры и отдыха имени // Совершенно не помню кого (А. Межиров).
 (109) Принадлежал он сами понимаете кому (Вал. Попов).
 (110) – Я вообще непонятно кто.
 – И нравится тебе быть непонятно кем? (В. Пелевин).

¹⁷ Языковое клише понимается вслед за С. Лещак, см. ее работу: *Языковое клише. Прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке*, Kielce 2007, с. 38 ссл.

- (111) Мария стала думать о том, как облегчить невыносимое бремя этой жизни всем тем, кто Бог знает зачем корчится сейчас в черных клубах дыма (В. Пелевин).
- (112) Ей хотелось известно что, известно с кем (В. Нарбикова).
- (113) Женихи Пенелопы вели себя неприлично, не совсем, впрочем, понятно почему (А. Битов).
- (114) Но такое с вашей командой не помню когда случилось («Советский спорт». 21 VII 1984).
- (115) Так же моряки вынуждены поступать и с зерном, и с растительным маслом, и много еще с чем («Огонек». 1989/49).

Подобное явление распространено также в польском языке:

- (116) Gdybyś się nie wiem jak opierała, musisz, ptaszeczku, musisz! (S. Żeromski).
- (117) Ale stara powróciła do kart, zresztą Bóg wie gdzie bujając myślą (T. Breza).
- (118) W ten sposób ściągając na siebie, na mnie i Bóg wie na kogo jeszcze – klątwę i nieszczęście!” (J. Krzysztoń).
- (119) Ogarnięcie zajęłoby Bóg wie ile czasu (S. Lost).
- (120) Wyśmiewał go bezlitośnie mały Karolak, zwany diabli wiedzą czemu karmazynem (M. Hłasko).
- (121) Do Wrocławia pojedzie właśnie Kosewski, właśnie w mróz, właśnie w ślizgawicę i czort wie jeszcze co (M. Hłasko).
- (122) Radiowe prasówki nie wiadomo po co mają zwyczaj meldować nam przede wszystkim, co na pierwszych stronach gazet („Tygodnik Powszechny”. 5 VI 2011).

Таким образом, можно констатировать, что синтаксическое опрощение как бы венчает весь процесс деривации предложения, представляя собой наиболее радикальный тип синтаксической деконструкции, а именно – преобразование полипредикативной структуры в монопредикативную. В этом случае все рассмотренные выше процессы синтаксической деривации: конверсия, контаминация и переразложение, – действуют вкуче, а к ним добавляется и четвертый: стяжение компонентов разных предикативных единиц в один член предложения.

Заключение

Процессы речевой деятельности носят не только динамический и аппроксимационный характер, как указывалось в первой части статьи, но и синерги-

ческий характер: в процессе производства речевых единиц одновременно включается несколько механизмов – с использованием разных программ и разных типов интеллектуального моделирования действительности. В этом процессе взаимодействуют разные системы языковых категорий: номинативные и предикативные, формально-грамматические и семантические, семантические и коммуникативно-прагматические. Эту мысль высказывает известный русский синтаксист Ю. Левицкий:

В языке современного человека сосуществуют и успешно взаимодействует несколько различных грамматик: первичная («примитивная» или «протограмматика»), коммуникативная, ролевая, и номинативная (формально-синтаксическая). В каждом типе грамматики отражено свое отношение слова, предложения и высказывания¹⁸.

Отчасти системы кодирования информации в языковой/речевой деятельности взаимно согласованы, скоординированы, но только – отчасти, поэтому в речевой практике нередко возникает своеобразный «конфликт интересов», когда реализация языковой модели в соответствии с одной программой (например, семантической) противоречит ее реализации в соответствии с другой программой (например, прагматической). В силу такого «конфликта интересов» возникают структурные нарушения стандартных схем построения высказываний. Проведенные наблюдения над четырьмя такими процессами речевой деятельности в синтаксисе: конверсией, контаминацией, переразложением и опрощением, – показали, что многие смещения в оппозиции главного и зависимого компонента сложного предложения обусловлены приоритетом коммуникативных свойств высказывания над семантическими и формально-грамматическими (конструктивными). Г. Фонтанский пишет, что тема-рематическое членение предложения считается в синтаксической науке вторичным по отношению к формально-грамматическому и семантическому: согласно распространенному мнению, «тема-рематическое членение является видом семантической надстройки, не нарушающей, однако, основного типа субъектно-предикатного отношения»¹⁹. Фонтанский в своей глубокой работе показал, что «интерпретация разных тема-рематических структур как модификаций одной и той же модели предложения кажется необоснованной»²⁰. Подобный вывод – о диффузности границы между разными принципами чле-

---

¹⁸ Ю. А. Левицкий, *От высказывания – к предложению, от предложения – к высказыванию*, Пермь 1995, с. 180.

¹⁹ Г. Фонтанский, *Об элементарной модели предложения в связи с его актуальным членением*, [в:] Н. К. Оніпенко (ред.), *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*, Москва 2002, с. 173.

²⁰ *Ibidem*, с. 177.

нения предложения, о особой роли, которую в процессах синтаксической деривации играет коммуникативный план, вытекает из проведенных в данной статье наблюдений. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ведь язык – я не боюсь показаться банальным – прежде всего является средством общения (а во вторую очередь – системой знаков).

SUMMARY

Syntactic processes in the complex sentence structure

Some syntactic derivation processes are considered in the separate chapters: contamination (integration), transposition and simplification (merging). These processes are that the formal-grammatical structure of sentence is deformed, i.e. the syntactic (surface) relationships manifest simultaneously the semantic structure and the communicative structure of sentences, although the order of semantic and communicative relations is different. The author shows differences of the Russian and Polish languages in the field of syntactic derivation processes, in particular, he argues that in Russian the restrictions of the moving boundary between the main part and dependent part of the composite sentence are greater, so the resource of Russian compound conjunctions is more modest than in Polish.